

The top portion of the cover features three soldiers in blue-tinted water. The soldier on the left is a sailor with a white headband. The soldier in the center is aiming a submachine gun. The soldier on the right is also aiming a submachine gun. The water is splashing around them.

МОРСКОЙ СПЕЦНАЗ

СЕРГЕЙ ЗВЕРЕВ

The bottom portion of the cover shows two soldiers in a ship's interior. The soldier on the left is crouching, wearing a blue jacket with a patch, and holding a submachine gun. The soldier on the right is standing, wearing a striped tank top and dark pants, also holding a submachine gun. The background is a metallic, pockmarked interior with a circular hatch.

МЕРТВЫЙ ДРЕЙФ

Морской спецназ

Сергей Зверев

Мертвый дрейф

«Научная книга»

2012

Зверев С. И.

Мертвый дрейф / С. И. Зверев — «Научная книга»,
2012 — (Морской спецназ)

С самого начала это задание показалось морскому пехотинцу майору Глебу Дымову странным. Его группе было поручено высадить на дрейфующее посреди океана безлюдное судно двух штатских специалистов и обеспечить их безопасность во время каких-то секретных работ. Спустившись на палубу судна-призрака с вертолета, группа начинает осматривать помещения и коридоры, и у всех бойцов вдруг появляется чувство, что на ржавом корабле они не одни. Наихудшие опасения подтвердились, и вскоре на мертвом корабле править бал начала смерть...

© Зверев С. И., 2012

© Научная книга, 2012

Сергей Зверев

Мертвый дрейф

Сила стаи – волк. Сила волка – стая.

Киплинг Р. Закон джунглей

22 июня, 2012 год.

К ночи разгулялся серьезный шторм. Шесть баллов по шкале Бофорта, скорость ветра одиннадцать метров в секунду. Море пучилось, вздымалось, белые барашки превращались в пенистые гребни. Тучи дрейфовали над Тихим океаном – лохматые, оборванные, как бродяги, отливающие глубокой синевой, – на вид зловещие, однако не те, что извергаются потоком и служат причиной неприятностей и перемены планов.

Малому противолодочному кораблю 114-й бригады охраны водного района волнение в шесть баллов было что слону дробина. Волны разбивались о борт, жадно вылизывали стальную обшивку, но судно даже не покачивалось. Корабль, принадлежащий 117-му дивизиону – МПК-107 с бортовым номером 333, – вышел из Авачинской бухты вчера утром, к полуночи прибыл в заданный квадрат – 250 миль южнее Крысыих островов Алеутской гряды – и лег в дрейф. На палубе производились последние приготовления к отправке вертолета. Пилоты поисково-спасательного «Ка-27ПСД», вертолета увеличенной дальности, уже разогревали винты. Заурядная тактическая задача – взять на борт группу людей, доставить в нужный квадрат – порядка шестисот километров на восток, – высадить на объекте и вернуться на базу. Молчаливый штурман уже прокладывал маршрут на бортовом компьютере, борттехник «прокачивал» приборы. Командир экипажа равнодушно смотрел, как серые фигурки людей, размытые ночным полумраком, по одному перебираются в нутро вертолета, загружают оружие и снаряжение. Вот последний человек забрался в салон, захлопнул дверцу. Отступили «проводящие»; офицер из команды корабля, ответственный за отправку транспортного средства, поднял руку, давая «добро» на взлет. Черные шасси оторвались от палубы, зависло белое брюхо с широкими красными полосами, стало разворачиваться...

В салоне вертолета было тесно. Командир экипажа этой ночью выполнял несвойственную задачу. Но это был не повод выгружать из салона все «лишнее» – дополнительные топливные баки, надувные пояса, спасательные резиновые лодки, маркерные буи, ориентирные морские бомбы, надувные матрасы с насос-помпами. Не маленькие, долетят – спецназу тесно не бывает. Модификация вертолета имела увеличенную до 12 тонн взлетную массу, что позволяло взять на борт большую группу людей. Этой ночью, помимо членов экипажа, в салоне находились семеро...

Майор морского спецназа Глеб Дымов, в отличие от некоторых, долго не гнезвился. Выбрал место поближе к кабине – отсюда он видел людей, пристроил «всё свое» на колени и под ноги. Снарядили боевых пловцов по полной амуниции – такое ощущение, что отправляют на год воевать против превосходящих сил «морских котиков». Кто-то решил перестраховаться – тематика задания не располагала к ведению полномасштабной войны (что было еще одним поводом призадуматься). Боевая группа под командованием Дымова насчитывала пятерых. Усиленное вооружение и боепитание: компактные «ПП-91» – пистолеты-пулеметы «Кедр», популярные в силовых структурах родного государства, конструкцией и внешностью напоминающие израильские «узи». Затеяливые двухсредные «АДС» – автоматом-гранатометные комплексы с системой «булл-пап», созданные на основе автоматов «А-91», – способные, помимо автоматического огня, выбрасывать гранаты – для чего в автомате имелся собственный прицел и отдельный спусковой крючок. Двенадцать снаряженных магазинов на каждое автоматическое изделие, наступательные гранаты, устрашающие «катраны» – без этих ножей российский боевой пловец – всего лишь водолаз-курортник. У Глеба такая штука висела на боку

в суровых ножнах («Обтянутых шкурой предыдущего командира отряда», – удачно пошутил любитель юмора Никита Бородач). Плотные водоотталкивающие комбинезоны, непромокаемые ботсы, утепленные головные уборы с застежками под горлом (погода в океане, невзирая на лето, оставляла желать лучшего), пресная вода, по два комплекта сухого пайка, термическое белье, «усиленные» аптечки, включающие обеззараживающие средства...

Лететь предстояло не меньше трех часов. Вертолет бросало в воздушные ямы, немилосердно трясло, действовал на нервы разношенный мотор. Подбиралась дремота, но пока еще не досадила мозгам. Глеб наблюдал за людьми из-под прикрытых век. На этот раз он знал всех членов своей группы и мог им безоглядно доверять! После «вакханалии» на море Сулавеси минуло чуть более месяца. «Готов выполнять любое задание Родины, товарищ капитан первого ранга, – заявил по возвращении Глеб своему наставнику и товарищу Григорию Ильичу Бекшанскому. – Пусть она посылает меня куда угодно – все исполню и не посрамлю родную фирму. Но отныне я работаю лишь с проверенными и лично отобранными людьми! И больше не подсовывать мне изменников Родины! Не нравится – увольняйте к чертовой матери! Думаете, огорчусь? Ничего подобного! Женюсь на невестке опального олигарха – имеется тут одна на примете, открою дельфинарий в турецком Кемере – заживу как белый человек на старости лет...»

«Тридцать четыре – еще не старость, товарищ капитан третьего ранга, – сурово изрек товарищ и наставник. – А в турецкий Кемер в качестве дельфина ты поедешь только через мой труп. Или через собственный. С невесткой олигарха можешь крутить сколько вздумается, но в свободное от работы время, и никаких «предательских» настроений, уяснил? В принципе, ты прав, Глеб, – признал правоту подчиненного Бекшанский. – Такой специалист, как ты, имеет право на некоторые, м-м, льготы. Работать нужно с проверенными людьми, но этого добра у нас хватает, согласись. Мы же, как и эти... в телевизоре – бережно отбираем только лучшие дары природы. Только они ни хрена не отбирают, а мы – еще как... Исчезни с глаз моих, Дымов! Двухнедельный отпуск! Но если узнаю, что за это время ты женился на невестке олигарха, – на глаза мои лучше не показывайся!»

Хорошо, хоть дали отгулять, не вытряхивали из постели в самые интересные моменты... Но только вернулся в строй – весь такой трепещущий и задумчивый, – как срочное задание: никаких отныне южных морей, немедленно подобрать группу и вылететь на Дальний Восток! Из севастопольского отряда по борьбе с подводными диверсионными силами и средствами он привез двоих: молодого паренька Вадима Морозова и Юрку Крамера. Первому едва исполнилось двадцать пять – парень из кожи лез, чтобы казаться серьезным и степенным. Способности у лейтенанта имелись – безупречный пловец, отличный стрелок, неплохо ладил с головой. Неженатый, в гульбе и возлияниях не замечен, упорно и трудолюбиво осваивал военно-учетную специальность – чтобы в тридцать получить капитана третьего ранга, в сорок – контр-адмирала, в пятьдесят – возглавить, ну, хотя бы Черноморский флот, если не будет других выгодных предложений...

Крамер – полная противоположность Вадику. Тридцать три года, человек, полностью разочаровавшийся в жизни («Но не во флоте, Глеб, успокойся...»). Три месяца назад Крамер потерял двухлетнюю дочь, которую обожал больше всего на свете. Супруга с дочуркой на руках переходила дорогу – сбил какой-то мерзавец и даже не остановился. Мерзавца не нашли, дочурка погибла на месте, супругу отбросило на газон, почти не пострадала. Через месяц они расстались – не было смысла в дальнейшем созерцании своих постных физиономий. Крамер почернел, осунулся, ушел в себя, если и открывал рот, то говорил лишь по существу, на внешние раздражители не реагировал. «Будешь служить?» – в упор спросил Глеб, знающий наизусть этого высококлассного специалиста. «Буду», – хмуро отозвался Крамер. «Тогда собирайся...»

Еще двоих он подобрал в третьем отдельном полку морской пехоты, дислоцированном в Петропавловске-Камчатском – к этой части было приписано подразделение боевых пловцов.

Служили в разных частях света – но это сейчас, просто жизнь разбросала. Данных экземпляров он знал как облупленных. Вместе когда-то работали, общались, выпивали – не было нужды составлять психологические портреты и оценивать потенциальные возможности. Никита Бородач относился к жизни беззаботно – стоит ли все усложнять в неполных тридцать лет? Но с работой ладил и в деле преображался – проверено на собственной шкуре. Платон Лодырев был попроще, изображал из себя деревенского простака – прятался за собственноручно возведенной ширмой. Простецкие словечки, сермяжное «чё» в конце практически каждой фразы – а на самом деле мастер на все руки и вполне работоспособный мозг...

Он наблюдал за ними из-под смеженных век. Гамма эмоций цвела на физиономии Никиты. Он всё еще не мог угнездиться, вертелся, перекаладывал оружие – толкал соседей, стрелял по сторонам глазами, что-то напевал под нос. Платон – тридцатилетний мужик с вытянутым воблообразным лицом – заразительно зевал, отчего его выпуклые глаза вылезали из орбит еще больше. Сосредоточенно хмурился Вадик Морозов – парнишка с детским лицом и взрослыми глазами – видно, восстанавливал в памяти параграфы устава, должностные инструкции и скудную информацию по текущему заданию – дабы в деле не сплеховать. Юрка Крамер сидел напротив Глеба – невысокий, с неподвижным осунувшимся лицом, резко очерченными скулами. Он находился в параллельном мире и, возможно, неплохо себя в нем чувствовал. Но в этом мире его точно не было – и Глеб старательно себя уговаривал, что это не повод начинать нервничать...

Беспокойство доставляли лишь двое последних членов группы. Он не знал этих людей и по инструкции не имел права ими повелевать – за исключением случаев, касающихся их безопасности и непосредственно выполнения задания. Мужчина и женщина, в плотных штормовках, закутанные в противодождевые накидки, хмурые, нервные, – они старались казаться спокойными, но получалось плохо. На корабле они жили в отдельной каюте, но супругами определенно не являлись и интимные отношения не поддерживали – они практически не смотрели друг на друга, хотя и показывались везде вместе. Мужчина представился односложно: «Котов» и рукопожатие у него было вялое. Под сорок, долговязый, впалые глаза и остро очерченное лицо. На голове он носил жесткий ежик – который недавно постриг до практически исчезающего состояния. Женщина была моложе – возможно, ей было под тридцать. Нормальное, в чем-то даже привлекательное лицо, настороженные серые глаза, короткая стрижка с челочкой – не такая радикальная, как у коллеги, но тоже довольно «критическая». Назвать худышкой ее было нельзя, но и до состояния сдобной булочки даме было далековато – нормальное телосложение со всеми положенными впадинами и выпуклостями. «Дарья Ольшанская, – скупно представилась дама, – специалист российского филиала международной компании «Глобал Транзит». – «Трудитесь в области контейнерных перевозок, мэм? – куртуазно осведомился Никита. – А давайте пообщаемся? Не поверите, но под этим невзрачным обликом скрывается замечательный собеседник и собутыльник». Дарья зацвела, потупила глазки и всю дорогу их практически не поднимала – и правильно, поскольку на нее таращились все кому не лень...

Задание выглядело странным, и информации по нему было мало. Еще эти двое, приданных к группе с непонятной целью... Приказы, конечно, не обсуждаются, но... Перед глазами до сих пор стояло «рандеву» в штабе Тихоокеанского флота, когда Глеб впервые почувствовал, что дельце попахивает. По ковровой дорожке вышагивал какой-то нервный, обильно потеющий капитан второго ранга с плешивой головой и грозно хмурил слипшиеся брови. «Нам известно, товарищ капитан третьего ранга, что вы высококлассный специалист своего дела. Вы проделали долгий путь, вас специально сюда вызвали... Но и мы здесь, представьте себе, не пимы катаем. С вами поедут двое, особо ими не командуйте – это не входит в область вашей компетенции. Это представители компании-перевозчика – партнера Министерства обороны. Контейнер... если таковой обнаружится, могут вскрыть только они. Лишь эти двое знают иден-

тификационный номер. Мы считаем, что контейнер не пострадал, поскольку находился не на палубе, а в грузовом трюме. И вас абсолютно не касается, что в нем находится. Задача вашей боевой группы – обезопасить объект от притязаний со стороны, исследовать объект на предмет посторонних, убедиться в сохранности груза, связаться со штабом условным сигналом и ждать прибытия подводной лодки, которая заберет груз и вас. А также вы должны гарантировать... безопасность груза и представителей компании-перевозчика, с которыми в доверительные отношения попрошу не вступать. С материка ваша группа стартует на одном из боевых кораблей Камчатской флотилии, а в заданный квадрат вас доставят с борта судна вертолетом. Надеюсь, вы понимаете, что боевой корабль не может, во избежание скандала, подойти слишком близко к американской территории. Да, то место, где зафиксирован объект, находится пока еще в нейтральных водах, но довольно близко к Аляске. И не следует забывать, что объект непрерывно дрейфует...»

Глеб неоднократно выполнял странные задания за свою карьеру – так что особого значения не придавал. Мутят всегда, мутят везде, но раз уж этим занимаются официальные структуры, он обязан подчиняться. А с неприятностями следует бороться по мере их обнаружения и локализации. Непонятно только, почему такое бряцанье оружием, если досконально известно, что объект принадлежит исключительно НАМ?

– А не спеть ли мне песню? – зевнув, задумался Платон и как-то невыразительно покоисился на Дымова. – Чё...

– Не вздумай, светик, здесь дамы... – отозвался Никита. Он наконец-то «свил гнездо», справился со своим объемным скарбом и развлекался с «Командирскими» часами, снабженными компасом, фонариком и уймой прочих бесполезных вещей. Заметив, что Глеб обратил на него внимание, он постучал по компасу и пожаловался: – Вечная история, командир: хочу на юг, а эта бестолочь постоянно показывает на север...

Он снова что-то бормотал, и под это бормотание, под рваное гудение двигателя, под непрерывную езду по кочкам Глеб начал куда-то проваливаться – засасывала липкая пелена. Он не уснул окончательно, завис между грезами и унылой реальностью, заново переживал события прошлого. Странная женщина, выловленная им в море Сулавеси, вставала перед глазами. В ней имелось что-то – и чем больше он ее узнавал, тем сильнее это «что-то» проявлялось. Когда он поцеловал ее впервые, она задумалась, нахмурилась, проанализировала ощущения и спросила надтреснутым голосом: «У тебя что, проблем мало?» Проблем было море, и появление дополнительной уже не являлось чем-то актуальным. Он так и признался. «Ну, смотри, я предупредила», – сказала окончательно сломавшимся голосом «злая блондинка», сладострастно вздохнула... и повалила его на ближайшую горизонтальную поверхность... Это был великолепный, сравнительно длинный отпуск, из которого он впервые в жизни не хотел возвращаться на службу. Но должен был. Он понятия не имел, как сложится жизнь после, имеется ли перспектива у всего «этого», но так хотелось – и жизни, и перспективы... «Мы влюбились, какой ужас, – обобщила ситуацию избранница за несколько мгновений до разлуки. – Как же жить теперь?.. Надеюсь, дорогой, ты влюбился в МЕНЯ, а не в мои потенциальные миллиарды, которых, кстати, у меня нет, и неизвестно, когда будут!» – «Ничего, я подожду», – уверил Глеб, запечатлел на устах избранницы «всепроникающий» поцелуй и со щемящим сердцем побежал на самолет...

– А командир все спит и спит, – услышал он сквозь варево в голове ехидный смешок в исполнении Никиты. – Дрыхнет, как хорек, по двадцать часов в сутки...

«Не хорек, а лев, – лениво подумал Глеб. – Только лев может позволить себе спать по двадцать часов в сутки...»

А Платон и Никита что-то разговорились. Перемысли косточки своей зарплате, придя к консенсусу, что в каждой зарплате есть доля зарплат. Обсудили планы на дальнейшую холо-

стяцкую жизнь, виды на очередной отпуск, который, может быть, удастся заполучить к декабрю и радостно провести его дома с видом на сугробы и ледяные штормы.

– Да кончайте вы трещать, воробы, – пробормотал Глеб. – Если нечем заняться, то займитесь этим в другом месте...

– Т-ссс, командир изволят почивать... – зашипел Никита.

Отдохнешь, пожалуй, с такими... Глеб открыл глаза. В вертолете было душно, холодно, трясло, как на вибростенде. Мигали лампочки, вырывая из темноты бледные лица пассажиров. И когда он наконец научится справляться со своими дурными предчувствиями? Вадик Морозов клевал носом, временами открывал глаза и хмурился с самым серьезным и ответственным видом. Крамер напротив Дымова созерцал пространство и не собирался покидать обжитый параллельный мир – кожа на скулах напряглась, становилась какой-то тонкой, эфемерной. «Нельзя его надолго оставлять в одиночестве, – опасливо подумал Глеб. – Общаться нужно с человеком, тормошить, демонстрировать прелести жизни...» Чужак Котов напоминал похмельного кощея. Сизые пятна гуляли по гладко выбритому лицу, подергивался глаз, кадык совершал возвратно-поступательные движения – человека тошнило, но пока он с этим справлялся. А вот Даша уже с трудом держалась. Женщина, обронившая за сутки одну короткую фразу, покрывалась смертельной бледностью. Тошнота подступала к горлу, лицо казалось распухшим, круги очертились вокруг замутненных глаз. После каждого подпрыгивания ее лицо искажалось сильнее, слезы потекли по щекам.

– Смотри, Глеб, – толкнул его в бок Никита, – сейчас будет картина «Женщина в разрезе». Мэм! – повысил он голос. – Если вам плохо, то не надо этого стесняться, здесь все свои! Возьмите пакет – он у вас за спиной, сделайте свои дела, а мы на минуточку отвернемся! О'кей?

Она посмотрела на него с такой злостью, что Никита притих. Глеб не стал дожидаться, чем закончится пикантная сцена – дама явно (невзирая на ряд внешних достоинств) была не в его вкусе, закрыл глаза... и тут же закружило, куда-то поволокло. Он уснул, и... время пролетело незаметно. Он очнулся от гортанного возгласа пилота:

– Эй, парашютисты, подъем, подлетаем! Чертовщина справа по борту!

Все завозились, стали приходить в себя – не только командира группы сразил беспокойный сон. Заерзал глазами пробудившийся Котов, тяжело и с натугой задышала Даша. «Трупных» пятен на симпатичной мордашке поубавилось, но здоровьем и бодростью барышня пока не цвела.

– А чего сразу «парашютисты»? – занервничал Никита. – Мы так, между прочим, не договаривались. У нас и парашютов-то нет...

– Ничего, Родина прикажет – прыгнешь и без парашюта, – проворчал Глеб, поворачиваясь к иллюминатору.

Из промозглой предутренней серости действительно выплывала какая-то чертовщина. Нечто химерическое, абсурдное, вполне подходящее для съемок фантастического триллера... Пилот включил четыре фары мощностью по 1000 ватт, а в дополнение – для пушего эффекта и наглядности – активировал ручной сигнальный прожектор. Машина медленно снижалась по мере приближения к дрейфующему объекту, и он выбирался из тени, озарялся мерцающим дрожащим светом.

– Ну, точно, фигия какая-то... – зачарованно шептал вернувшийся к жизни Крамер. Он перебрался с противоположного борта и завис у Глеба над душой, оттирая его от иллюминатора. Судно приближалось – огромное, ржавое, с заметным дифференциалом на корму. С высоты птичьего полета, по мере приближения, оно смотрелось эффектно, завораживающе – аж мороз по коже. И Глеба уже охватывало неприятное, какое-то скользкое чувство – опаска, робость, невольное благоговение. Что за бред такой плавучий? «Летучий голландец»? «Летучий япо-

нец»? Возможно, это был не самый крупный в мире контейнеровоз, но разве существуют в наше время маленькие контейнеровозы?

– И какого только хлама не сносит после цунами из Японии к Америке... – уважительно пробормотал Платон Лодырев. – Я слышал, через год Америку просто накроет: все приплывет – суда, автомобили, мосты с эстакадами, смытые строения, мертвые люди...

– Не светится случайно? – опасливо осведомился Вадим. – Ну, в плане этой самой... радиоактивности?

– Ага, – хмыкнул Никита, – Фукусима и Нагасаки, блин.

– Точно, мужики, – хихикнул Платон. – Русское слово «песец» по-японски звучит красиво и возвышенно – «Фукусима», мать ее...

– Дурьи ваши головы, товарищи офицеры, – не очень-то любезно сказал Глеб. – Как эта штука может излучать радиоактивность, если она и в японских водах-то не была?

– А, ну да, – сказал Вадим. – Считайте, что успокоили, товарищ майор. А почему оно в Японии-то не было?

И снова стремительная ретроспектива. Срочный вызов к непосредственному начальству – еще в Севастополе. Григорий Ильич Бекшанский был угрюм, подавлен и выпускал ядовитые флюиды – что свидетельствовало о его прочных интимных отношениях с высоким руководством. «Извини, Глеб Андреевич, с ликеро-водочного заявок сегодня не поступало, – заявил он в своей неподражаемой манере. – Поедешь на Дальний Восток – там тебя с нетерпением ждут». И поведал очередную невероятную историю из серии «чего только в жизни не случается». 5 марта 2011 года – год и три месяца тому назад – контейнеровоз относительно малого водоизмещения, класса Handysize, под названием «Альба Майер», вышел из порта Петропавловска-Камчатского и взял курс на Филиппины. Судно принадлежало российскому филиалу компании «Глобал Транзит» и выполняло регулярный рейс по перевозке грузов. Команда – двадцать три человека, больше и не нужно, поскольку судно предельно автоматизировано. Вместимость судна – восемьсот 20-футовых контейнеров стандарта TEU, но, по имеющейся информации, «Альба Майер» была загружена едва наполовину. Почему – история темная. Похоже, кто-то торопился и оплатил компании крупную неустойку. Порядка двухсот контейнеров располагалось на палубе – между полубаком и смещенной к корме надстройкой, и сотни полторы – в грузовых трюмах. Судя по всему, одна из единиц хранения в трюме была засекречена и имела отношение к поставкам Министерства обороны. Данный объект перевозился обособленно, имел внушительную вооруженную охрану – но почему-то не из лиц, состоящих на воинской службе, а из работников некой частной охранной фирмы. В общем, мутное судно, мутный рейс, и все происходит под «грифом» таинственности. Днем 11 марта «Альба Майер» проходила в нескольких сотнях миль от восточного побережья острова Хонсю, когда и разразилось в Тихом океане то страшное землетрясение, вызвавшее разрушительное цунами и гибель не менее двадцати тысяч человек в нескольких японских префектурах и позднее названное Великим землетрясением Восточной Японии...

Эпицентр землетрясения находился несколько западнее «Альбы Майер», и волны цунами если и не потопили ее в одночасье, то погнали куда-то на восток. Связь с контейнеровозом пропала. Дальнейшая его судьба неизвестна. Наблюдение со спутников ничего не выявило. Такое ощущение, что крупное судно бесследно кануло в какую-то черную дыру. Только Богу известно, где оно блуждало больше года и какими течениями его носило. Но в середине июня насквозь проржавевшее судно-призрак с характерной надписью на борту «Альба Майер», без признаков жизни, с пустой палубой, было зафиксировано американской береговой службой в нейтральных водах – в трехстах милях южнее штата Аляска – между одноименным полуостровом и одноименным же заливом. Воды нейтральные, местность безлюдная, судоходных путей в квадрате нет. «Альба Майер» – изрядно потрепанная, осевшая, с сильным креном на корму – потихоньку дрейфовала на север и через несколько дней могла уткнуться в скалисто-лесистые

острова небольшого безымянного архипелага, отделяющие океан от залива Аляска. Представители российских структур забили в набат и категорически запретили американским официальным лицам приближаться к судну, принадлежащему российскому перевозчику. Засуетились фигуры в оборонном ведомстве, в указанном квадрате стали появляться российские «МиГи» из 865-го отдельного истребительного авиаполка, дислоцированного в Елизово. Подготовилась группа боевых пловцов с приданной ей парочкой «специалистов по контейнерным перевозкам»...

– А что, нормально сохранилось... – как-то неуверенно изрек Никита, прилипший носом к иллюминатору. – Правда, с пробегом... вернее, с проплывом по Тихому океану...

– Давайте его продадим? – предложил Платон.

Судно-призрак неумолимо приближалось. Нарастала «изометрическая проекция»... Изъеденная ржавчиной глыба – метров тридцать в ширину и больше сотни в длину – мерно покачивалась на штормовой волне. По нынешним меркам действительно малютка – нынешние контейнеровозы корейского производства достигают в длину четырехсот метров, полсотни в ширину и способны взять на борт до 18 тысяч стандартных двадцатифутовых контейнеров. Но и «Альба Майер» производила впечатление – гнетущее, пугающее. Облупленные борта, насквозь проеденные коррозией, в отдельных местах отвалилась обшивка. Высота бортов – порядка восьми метров, прогнувшиеся отбойные козырьки для защиты палубных контейнеров от морской волны. На полубаке, возвышающемся над основной палубой и отделенном от нее металлической перегородкой, царил хаос. Валялись обломки радиомачты, какой-то металлический хлам. На основной грузовой палубе – шкафуте (по морской терминологии) – было не лучше. Ни одного контейнера за год и три месяца не сохранилось – все смыло в море. Выделялись продолговатые крышки люковых закрытий, прикрытый мятыми листами выезд из трюма на верхнюю палубу, искореженные опорные стойки для крепления контейнеров. Тобразная надстройка с кокпитом и навигационным мостиком, смещенная к корме, выглядела жалко. Зияли пустые оконные глазницы, вмятины в корпусе – такое ощущение, что надстройку обстреливали из артиллерийских орудий. Задняя палуба между надстройкой и кормой выглядела относительно целой, но и там не сохранилось ни одного контейнера. Можно представить, в какую серьезную болтанку попало судно – оставалось лишь изумляться, почему оно осталось на плаву. Корма с гребным винтом просела в воду, механизмы кормовой аппарели, выступающие над полуютом, практически развалились...

– Что-то плющит меня... – признался, передернув плечами, Никита. – Странное ощущение, мужики... – И задумался. Потом быстро глянул на Глеба: – Ты как, командир?

– Давайте в мистику поверим, – презрительно фыркнула Даша, и все изумленно на нее уставились. Заговорила, надо же. Девушка старательно обуздывала свой страх, но было видно, как она боится и переживает. Она кусала губы, неустанно сглатывала и демонстративно не смотрела в иллюминатор. Покрывался серой краской ее коллега Котов. «Да что тут происходит? – с каким-то вдруг нахлынувшим раздражением подумал Глеб. – Во что нас снова угораздило ввязаться?» Натура бравого вояки, не боящегося ни Бога, ни черта, самым замечательным образом уживалась в майоре Дымове с тонкой душевной организацией, чувствительно реагирующей на источники опасности – пусть даже не имеющие объяснения. В чертовщину он не верил, но вдруг почувствовал, как в душе просыпается предательский страх перед неизвестным, в желудке воцаряется вакуум, а поджилки начинают нервно подрагивать. Товарищи аналогично ни во что не верили, но и с ними происходило что-то непонятное. Никита беспокоенно чесал живот, прислушивался к внутренним ощущениям и явно не находил в них ничего утешительного. Бледнел и облизывал губы Вадик Морозов – он, не моргая, смотрел в иллюминатор и по мере приближения к объекту становился каким-то сморщенным. Крамер скептически почесывал подбородок и поскрипывал зубами. Хмурился Платон – пытаюсь подстроить

организм к новым ощущениям. Происходило в действительности что-то странное. Хотя, если хорошенько призадуматься, не происходило ровным счетом ничего...

– Послушайте... – пробормотал Крамер, выбираясь из своей трехмесячной депрессии. – А не может быть такого, что эта штука затонула, полежала какое-то время на дне, а потом вдруг решила всплыть и с тех пор неприкаянно болтается по океану?.. Посмотрите на нее – это ведь настоящий сгнивший мертвец...

– Ну, если исходить из законов мистики, а не физики, – расклеил губы Глеб, – то вполне вероятно. Но готов поспорить: для того чтобы достичь теперешнего состояния, этой посудине вовсе не обязательно было уходить на дно. Постоянный ветер, вода, брызги, волны заливают палубу... Не исключено, что пару раз «Альба Майер» на что-то наталкивалась – возможно, на мель, откуда ее потом благополучно срывало...

– Слушайте, по-моему, там что-то шевельнулось... – внезапно насторожился Вадик, продолжавший пожирать глазами корабль-призрак. Вертолет уже висел над палубой и медленно снижался в свете собственных фар. – Ей-богу, мужики, мне не могло померещиться – это там, на самом носу... Товарищ майор, Глеб Андреевич... – Он оторвался от иллюминатора и глянул на командира покрасневшими глазами: – Вы сами посмотрите...

Спецназовцы, не сговариваясь, прильнули к иллюминаторам. Прерывисто вздохнул Котов, издала какой-то булькающий утробный звук его спутница... «Чертовщина, ей-богу, чертовщина...» – думал Глеб, покрываясь тонкой корочкой ужаса – и испытывая по этому поводу невиданную злобу к самому себе!

Неизвестно, что там привиделось Вадиму на вздернутом полубаке, но сколько спецназовцы ни всматривались, не заметили ничего подвижного. Какие-то искореженные железные листы, обросшие плесенью штуковины, наподобие швартовочных кнехтов, сломанная пополам радиомачта – причем край отломанного конца был защемлен в неровностях палубы, и вряд ли его колебания могли насторожить Вадима.

– Не понимаю... – заупокойно бормотал Вадик. – А ведь сначала мне показалось, что мне не показалось... А сейчас даже не знаю, мужики...

– Ну, в натуре, клиника, – фыркнул Крамер. – Вадька, ты глючишь, как мой редуктор от акваланга, а ведь и без тебя кошки на душе скребут.

– Не думаю, что кто-то выжил на этой штуке, – рассудительно изрек Платон. – Больше года мотаться по океану – без воды, без жратвы... Да там, наверное, полные трюмы мертвцов... А че...

– Да типун тебе на язык, вот че, – разозлился Вадик. – Чего несешь-то полную чушь?

– Главное, чтобы не расплескал, – ухмыльнулся Глеб.

– А что, в контейнерах пожрать нечего? – не понял Никита. – Вскрывай все подряд да живи нормальной жизнью.

– Не проживешь, – возразил Глеб. – С едой в этом призрачном хозяйстве, полагаю, действительно туго. Провиант, как правило, морем не отправляют – тем более из Камчатки на Филиппины. Бананы, что ли? На судне имелся ограниченный запас продуктов – в расчете на дальность плавания. Максимум на две недели. Но никак не на пятнадцать месяцев... – Глеба передернуло – он представил, как страдали тут люди, оставшись в океане без провизии. Друг дружку, поди, кушали...

– Эй, вояки, поздравляем, у нас, кажется, связь крякнула! – подал голос усатый бортиженер, щелкая тумблерами и вертя допотопные ручки настройки радиостанций. – Вот дьявол, сплошные помехи... А ведь минуту назад все работало, зуб даю...

Палуба приближалась, до нее уже оставалось несколько метров. Вертолет завис. Яркие фары освещали рифленые неровности палубы, вывернутые столбики опор отсутствующих контейнеров. Все насквозь прогнило, покрылось разводами...

– Ну, что же ты, водитель кобылы?! – нетерпеливо крикнул Глеб. – Ступор одолел? Сажай на палубу свою колымагу!

– А ступор мы можем дезактивировать! – нервно хохотнул Никита. – Достаточно лишь отправить сообщение с коротким словом...

– Ну вас на хрен, мужики! – прокричал осторожный пилот. – Там все сгнило! Откуда мне знать, что это трухлявое хозяйство нас выдержит? Провалюсь же к чертовой матери! Давайте сами выкручивайтесь! Да поживее, мужики, мне на базу надо возвращаться – не дай бог, вся система «Осьминог» полетела! Представляете, какой геморрой?

Удовольствия, конечно, было мало. В поисково-прицельную систему «Осьминог» входили гидроакустическая и радиолокационная станции, прицельно-вычислительные устройства, радиоакустические буи. А если вместе со связью полетела информационно-вычислительная подсистема со всеми индикаторами тактической обстановки – то вообще труба. «А совпадение ли это?» – мелькнула тревожная мысль.

– Как мило, – скрипнул чужак Котов, а его испуганная коллега ничего не сказала, только втянула голову в плечи.

Заработало установленное у грузовой двери подъемное устройство – электролебедка ЛПГ-300. Заурчал механизм поворота и опускания стрелы. Десантировались на палубу в ляпочных сиденьях. «Как космонавты, – пошутил Никита, – только в обратную сторону».

– Крамер, Лодырев, пошли! – скомандовал Глеб. – Факт приземления комментируем громко и четко!

– И заранее, – хмыкнул Никита. – Да поосторожнее! – Он не удержался. – Работает снайпер...

Первый – пошел! Увешанный оружием и амуницией Крамер проехался со всеми удобствами два метра, выпутался из лямок.

– Есть! – отбежал на пару метров, рухнул на колено, взял под наблюдение свой сектор.

Съехал Платон, метнулся в обратную сторону, перевалившись через проржавевшую двутавровую балку, что-то грозно проорал, выставил ствол «ПП-91» в предрассветную хмарь.

Глеб съезжал третьим – обнял перчатками металлизированный трос, голова закружилась от избытка кислорода и холода (вот оно какое, наше лето!), – и сразу выдуло порывом ветра страх из организма, адреналин хлестнул в кровь! Какой-то мимолетный азарт, временно поднялось настроение... и в следующий миг он уже сбрасывал с себя лямки, отправляя сиденье обратно. И обострились все чувства – слух, зрение, интуиция. Палуба контейнеровоза качивалась от умеренного пятибалльного шторма. Волны бились в правый борт, но отбойные козырьки предохраняли палубу от попадания брызг. Уже светало, свет фар становился неактуальным, хмурые тучи беспорядочными колоннами двигались на север, к американскому побережью, которое в приснопамятные времена было русским...

Он отбежал от точки приземления, стащил с себя рюкзак, отбросил в сторону – не упадет. Присел на колено, принялся осматриваться. С заунывным причитанием:

– Море волнуется раз, море волнуется два... – съехал Никита, сел на корточки, расправил объятия, и через пару секунд в его загребущие лапы с тоскливым причитанием съехала Даша Ольшанская в развевающейся штормовке и надвинутой на уши шапочке. – Замри, морская фигура, – коряво закончил он считалку и засмеялся. – Эк вас вштырило, девушка, – у вас такая милая перекошенная улыбка, вам так идет улыбаться...

– Да уйдите вы от меня... – хныкала Даша, выпутываясь из его неловких объятий.

Уже рассветало, появлялась слабая видимость. По личику девушки растекалась покойническая бледность, и снова у Глеба мелькнула мысль, что женская фигура в данной обстановке выглядит довольно странно. Неважно, что в контейнере, неважно, в какой компании она трудится и на какой должности, но... неужели мужчины не нашлось в пару к Котову?

– Я вам не нравлюсь, – со вздохом резюмировал Никита, ставя девушку вертикально, и начал растворяться в сизой мгле, из которой вскоре донеслось с укоризненными нотками: – Подумаешь, я и не готовился к тому, чтобы вам понравиться...

Спустился Котов, раскачиваясь, как на тарзанке, выбрался из лямок, куда-то повалился, шумно отдуваясь – голова у человека закружилась. Последним десантировался Вадик Морозов – весьма расстроенный тем обстоятельством, что он всегда оказывается последним.

Вертолет ревел над головой, расшвыривая потоки воздуха – он прижимал людей вниз, не давал поднять голову. Красно-белое брюхо покачивалось над палубой.

– Улетай! – махал ему Крамер, ловя свой убегающий рюкзак. – Улетай отсюда к чертовой матери! Чего он не улетает, Глеб?!

– Привяжем к нему шарики, и он улетит? – захохотал из-под разбитой опорной стойки Никита.

Обстоятельному пилоту нужно было убедиться, что все люди спустились, не оставили чего-нибудь важного. Убедившись, что все в порядке, он повел машину вверх – вертолет красиво развернулся, сделал вираж по дуге и, прерывисто треща, начал удаляться на запад. «Сделали дяде ручкой и забыли», – подумал Глеб, наблюдая за тающей в пасмурной дымке машиной.

Он снова ощущал нервозность. Возвращались неуверенность, злость на самого себя. «А ведь если эта «шаланда» потонет, то нам каюк, – неожиданно подумал Глеб. – Как всегда – хоть что-нибудь, да не предусмотрели. Могли бы надувную лодку оставить ради приличия».

На востоке неохотно светало, тучи, сгустившиеся на российской стороне, уже не казались такими черными и безнадежными. Дул холодный ветер, гоня по океану стада белых барашков. Глыба контейнеровоза дрейфовала на северо-восток, скрипя и покачиваясь. «Такое ощущение, что мы на астероиде, – мелькнула мысль, – который неумолимо приближается к Земле».

Он встал, взяв автомат на изготовку, дал виток вокруг оси. С кем воевать, интересно, собрался? С призраками старого контейнеровоза? Металлический пол под ногами гнулся и подрагивал. Поскрипывали остатки крепежных механизмов. Метрах в семидесяти возвышалась зияющая пустыми глазницами трехэтажная надстройка – наверху, по всей видимости, кокпит и навигационный мостик, ниже – пультовая, пост управления, или как там его... Еще ниже – бытовые помещения корабельного руководства... Он всматривался вдаль – сплошной вздымающийся океан, никакого намека на сушу. Видимо, до встречи с островами, на которые несет «Альбу Майер», еще достаточно долго – в противном случае не стали бы так рисковать, оставляя группу спецназа наедине с неизвестностью...

Спецназовцы поднимались с колен, осматривались. Вступать в перестрелку здесь, похоже, было не с кем. Привстал Котов, тоже начал с любопытством озираться.

– Сидите, – предупредил Глеб, – встанете, когда разрешим. И не кривитесь, Котов, это связано, прежде всего, с вашей безопасностью. Сядьте рядом с вашей спутницей и не отсвечивайте. Кстати, где она?

Раздался характерный звук исторгаемой желудком рвотной массы. Заворошилось что-то под отбойным козырьком, прорисовалась исполненная страдания женская мордашка. Даша стояла на коленях, шатнулась, теряя равновесие, уперлась ладонями в ржавый металлический лист. Похоже, ее здорово мутило.

– Боже правый, у вас еще и морская болезнь, Дарья, – посетовал Глеб, подходя к ней и протягивая руку. – Давайте я вам помогу.

Она не стала отказываться от помощи, хотя и смотрела на майора спецназа с нескрываемой нелюбовью. Оперлась на руку, привстала. Он отвел ее к Котову, усадил, прислонив к двутавровой балке. Она закрыла глаза, стала размеренно дышать, избавляясь от тошноты.

– Глеб Андреевич, это самое... – подал голос Вадик Морозов.

– Ну что? – он раздраженно вскинул голову.

– Я только спросить... – смутился молодой офицер и как-то выразительно кивнул на носовую часть судна. Ах, ну да, там же что-то «шевелинулось»...

Трое остались с гражданскими – всматривались в серые хляби, укрывшись в «складках местности». Глеб сместился к левому борту, нарисовав Вадиму знаками, чтобы «отзеркаливал». Не имел он желания насмеяться над человеком, которому что-то показалось. Вадик пусть и молодой, но не первый год в спецназе – наблюдательный, на зрение не жалуется, могло и впрямь что-то «шевелинуться». Пригнувшись, он перемещался вдоль борта, перебираясь через проржавевшие преграды – разбитые твистлоки – запирающие элементы крепления контейнеров, проеденные коррозией направляющие из стального профиля. Машинально перегнулся через борт – восемь метров до пенящейся воды, высокогато, «третий этаж», однако... На носовую палубу когда-то имелся проход, но сейчас его перекрыла рухнувшая загородка, из которой торчали рваные пучки арматуры. Он подался в обход, перелез через ворох бесхозного кабеля, поднялся по короткой скрипучей лестнице... и соленые брызги попали в нос, защипало глаза – волна, ударившая в левый борт, нашла свою жертву. Он перебирался через обломки, вздыбленные фрагменты настила, ориентируясь на остов радиомачты. Насколько можно было судить, посторонних на полубаке не наблюдалось... Но вот метнулась справа тень, раздался металлический грохот, что-то покатилося! Глеб присел – и тут же над хаосом металлических изделий воздвиглась моргающая голова Вадика Морозова. У парня, похоже, возникли проблемы с «отзеркаливанием».

– Ты чего? – не понял Глеб.

– Ничего, Глеб Андреевич, – огрызнулся лейтенант. – Сам в себя сзади врезался. Да живой я, все в порядке, упал немного...

– Запиши это в личные достижения, – усмехнулся Глеб. – Убедился, Фома неверующий, что здесь все чисто?

– Не считая вон того люка, – кивнул Вадим и перебежал поближе к рифленому стальному листу, снабженному приваренной рукояткой и двумя солидными скобами. И снова Глеб почувствовал сухость в горле. Возможно, на этом плавучем призраке и не было посторонних (хотя еще вопрос, кто здесь посторонний), но что-то с этой грудой металла было не в порядке. Они подкрадывались к плохо закрепленной, поскрипывающей крышке, как к вражескому доту, в котором засел пулеметчик. Вадим присел, повинуясь беззвучному приказу, осмотрелся, облизнул губы, взял на изготовку «Кедр». Глеб рванул крышку. Она оторвалась от палубы на несколько сантиметров и застопорилась. Он всунул в щель обломок радиомачты – кусок трубы сантиметра три толщиной, просунул внутрь, нажал. Крышка люка оторвалась с душераздирающим скрежетом – а вместе с ней разболтавшийся штыревой засов. Из люка на заглянувших в бездну спецназовцев смотрела убийственная темнота...

– В общем, понимай, как знаешь, Вадик, – осмыслив ситуацию, усмехнулся Глеб. – Либо всё тебе померещилось и этот люк всегда был закрыт изнутри, либо кто-то спустился и запер его за собой. Не знаю, как тебе, а лично мне первый вариант нравится больше.

– Гранатой попробуем? – Вадик потянулся к закрепленному на бедре подсумку.

– Сдурел? – испугался Глеб. – Да тут малейший дисбаланс, выведем эту штуку из равновесия – и потонем же на хрен...

Вадик извлек из подсумка не гранату, а фонарь в резиновой оплетке, опустил на колени и осветил уходящий в недра судна проем, из которого ощутимо тянуло кислым и невкусным. Проход, очевидно, не для общего пользования – ржавый растрескавшийся короб, приваренные ступени, перила – попробуй догадайся, что там за изгибом...

Они вернулись на грузовую палубу, немного озадаченные и пожимающие плечами. Люк на всякий случай завалили хламом, а сверху упрочили обломком штанги радиомачты. Их встречали хмурые взгляды сослуживцев, занявших на палубе круговую оборону. Исподлобья тарачился молчаливый Котов. Облизывала губы и моргала Даша – шапочка сбилась на заты-

лок, показалась челочка, слипшаяся от пота. Возникла иррациональная мысль, что, похоже, никому из присутствующих, включая гражданских, не хочется спускаться в трюм. Снова возникло сопротивление неизученной природы, ныла голова, интуиция пыталась пробиться до мозга через толщину лобной кости. . .

– Ты можешь еще, конечно, помолчать, Глеб, – проворчал надувшийся Никита, – но мент уже не родится, так и знай.

– У командира мысли, – рассудительно изрек Платон. – И он их думает, итить его. . .

– Ага, – согласился Никита. – Время от времени мы все пытаемся думать.

– Подъем, золотая рота, – ворчливо бросил Глеб. – Любите вы, парни, отдыхать – до того, как устанете. И языками чешете, когда не надо. Крамер – остаешься со штатскими. Остальным – оставить все лишнее, и за мной.

Зачистка шкафута и надстройки отняла довольно долгое время. Даже здесь – на открытом пространстве – хватало потайных закутков. Открытые участки чередовались наслоениями железа и фрагментами погрузочно-подъемных устройств, которые концентрировались в основном на корме и носу. Разбитый вдребезги поворотный кран – валялись оторвавшиеся друг от друга секции. По одному перебежали к надстройке, просачивались внутрь. Надстройка представляла собой возвышение в три яруса, растянутое в ширину от борта до борта (минус незначительное пространство для прохода), и в глубину порядка пяти метров. Внутри царило запустение – как и следовало ожидать. Два прохода в трюм – они открывались, но с трюмом пока решили подождать. Короткие коридоры, лестницы с перилами, помеченные пятнами ржавчины. Несколько бытовых помещений – что-то вроде кают-компаний, где все изрядно пропылилось и куда уж точно давненько не ступала нога человека. Заплесневевший экран телевизора, полужесткие диваны, пустой бар, осколки на полу, голые кровати в соседнем помещении (и в голове немедленная зарубка: почему, собственно, голые? Где белье, покрывала?). В каюте капитана сохранилась обстановка – лакированные панели еще не отвалились, постель была аккуратно заправлена, но посреди покрывала красовалось огромное ржавое пятно, под кроватью валялись обломки потолочного покрытия, а над головой зияла дыра, из которой торчали порванные по сварке элементы перекрытий и обрывки кабелей. Выше на посту управления сохранился относительный порядок. Вытянутое помещение по всей длине надстройки, шкафы с автоматикой, провода и кабели, заросшие плесенью, опутывали стены. Две лестницы на капитанский мостик – поднимались синхронно, попарно, прощупывая и осматривая каждый метр пространства. Кокпит представлял собой жалкое зрелище, и сразу стало понятно: даже запустив дизельный двигатель, обрести власть над грудой железа под названием «Альба Майер» уже нереально. Такое впечатление, словно в центр капитанского мостика вонзился артиллерийский снаряд. Свернутый штурвал, раскуроченные панели управления, опрокинутые тумбы с аппаратурой. Спецназовцы бесшумно обтекали препятствия, стараясь ничего не трогать. Вадим присел на корточки, уставился на засохшее бурое пятно на полу, на разводы того же цвета на соседней тумбе. Прикоснулся пальцем к пятну, зачем-то потер его, понюхал.

– Кровь, – компетентно заметил Платон, проскальзывая мимо.

– Человеческая? – удивленно поднял голову Вадим.

– Ну, не знаю, – пожал плечами Лодырев, – может, куриная. Естественно, человеческая, чужак-человек. Люди здесь гибли и получали ранения, неужели не ясно? Смотрите, мужики. – Он тоже пристроился на корточки и коснулся двух округлых отверстий в жестяной дверце тумбы. Осторожно приоткрыл ее, облегченно крякнул, не обнаружив за дверцей ничего интересного. – По ходу, тут шли напряженные бои с переменным успехом, парни, стреляли, между прочим, из автоматов. Странно, е-мое, нет? Ну, выжили после всех этих катаклизмов, так чего пулять-то друг в дружку? Не иначе охренели от потрясения, крыша поехала. . .

Невольно подобрались – согласно имеющейся информации, таинственный груз сопровождали уполномоченные сотрудники охранной фирмы, вооруженные автоматическим ору-

жием. Сомнительно, что по итогам пятнадцати месяцев они еще бегают тут со своими автоматами, но чем черт не шутит...

– А теперь внимание сюда, – как-то глуховато произнес Никита и тоже присел на корточки. Взорам собравшихся спецназовцев предстало очередное зрелище из разряда «хрен знает, что это такое». Между разоренным пультом управления, из которого торчали обрывки схем и проводов, и штурвалом, напоминающим свернутый нос, пол был усеян цементной крошкой, осыпавшейся с прохудившегося потолка. И на этой крошке практически идеально отпечатался след мужского ботинка сорок третьего размера. И самое противное, что этот след был... не такой уж старый. Глеб примостился рядом с Никитой – он давно уже дал себе зарок, что нужно стоически относиться к странностям этого судна и голосам из подсознания. Экспертом он не был, но определенно этот след оставили недавно – кромки в углублении протектора еще не осыпались, не сгладились. Покосившись по сторонам, он обнаружил отпечаток второй ноги (это был не одноногий капитан Сильвер) – менее заметный, но такой же материальный. Кто-то совсем недавно стоял на капитанском мостике и зорко смотрел вдаль...

Спецназовцы затаили дыхание и как-то исподлобья уставились друг на друга. «Летучий» контейнеровоз поскрипывал и кряхтел. Порывистый ветер влетал в разбитые окна, проникал во все углы, забирался за шиворот. Черт... Глеб резко распрямился в полный рост. С высоты надстройки распахнулся зловещий вид. Небо от края до края затянули косматые тучи, океан вздымался и раскачивал никчемную массу железа. С капитанского мостика просматривался полубак, обломок радиомачты, перекрывший люк. Под ногами вспучивалась грузовая палуба... Глеб облегченно перевел дыхание – с людьми, оставшимися снаружи, был полный порядок. Котов и Даша сидели рядышком, закрытые от ветра опорной стойкой для крепления «стандартизированной многооборотной тары». Они не касались друг друга. Даша куталась в свою штормовку, прятала лицо в коленях. Котов вертел головой и как-то нервно поглядывал на часы. На концерт опаздывал? Крамер расположился особняком, автомат лежал на коленях. Он быстро вычислил наблюдателя в верхней части надстройки и начал подавать нетерпеливые знаки: дескать, хватит любоваться на красоты, пора и честь знать... Глеб послал ответную «телеграмму»: мол, все под контролем, а спешка нужна лишь в тех случаях, которые давно описаны...

Сверху хорошо просматривались люковые закрытия в центральной части палубы и съезд в трюм, прикрытый смыкающимися створками. Когда они находились на палубе, эти объекты не очень бросались в глаза. С мерами предосторожности спецназовцы покинули надстройку, отправили Никиту в охранение, а сами исследовали кормовую часть, обнаружив там еще парочку закрытых люков. Выводы не напрашивались – состояние этих люков могло означать все, что угодно. Но напряжение росло. «Глаза у вашего страха велики, – бормотал, стараясь казаться невозмутимым, Платон, – тому следу уже в обед сто лет. Ну, конечно, были когда-то здесь живые, да кончились, блин... Вы что, не понимаете, мужики, больше года болтаться по волнам – да тут только призраки и остались, и то они вряд ли сохранили свои эксплуатационные качества...»

По большому счету, Платон был прав. Они пробороzдили носом всю надстройку и ни разу не видели емкостей с питьевой водой. Лишь несколько пустых полиэтиленовых баков – парочка таких валялась под лестницей, еще один, изрезанный ножами, был отмечен в каюткомпании. Возможно, имелся танкер в одном из трюмов в районе кубриков, но все равно – емкость его неизвестна, а пятнадцать месяцев блуждания по океану – практически вечность...

Съезд в трюм оказался заперт – автоматика не работала, ручного привода для тяжелых створок не было, а если и был, то где его искать? Они отбрасывали люковые закрылки в центральной части палубы – металл проржавел, упорно сопротивлялся. Прибежал Крамер – помочь своим. И сильно пожалел – он с трудом отодрал створку люка, когда свирепый порыв ветра пронесся по палубе, и его едва не придавило тяжелой створкой! Ахнув, товарищи броси-

лись спасать коллегу, а когда выяснилось, что Крамер отделался легким испугом, посыпались шуточки: мало каши ел, не носи фанеру в ветреный день... И вновь обнажилось черное нутро, изъеденное прожорливым грибок. Пахнуло тяжелым духом – и Вадим, имеющий привычку лезть, куда не просят, отшатнулся, зажал нос. Лестница прогнила, но человеческий вес, в принципе, выдерживала. Глеб спустился на полкорпуса, светя фонарем. Стены в разводах, проход закрыли рухнувшие трубы с массивными вентилями. Коридор был узок и явно имел техническое назначение. Глеб замешкался, он напряженно прислушивался к ощущениям. В узких проходах особенно не развернешься. Если допустить – ну, чисто так, гипотетически, – что призраки, обитающие в недрах контейнеровоза, способны устроить засаду, то лучшего места не придумаешь...

– Ну что, Глеб Андреевич? – В голосе Никиты звенела натянутая струна. – Войдем такие, с балалайками?

Глеб колебался, угрюмо смотрел, как подходят, опасливо ежась, Котов и Даша.

– Послушайте, майор, может, достаточно этих ваших перестраховок? – недовольно спросил Котов. – Неужели вы всерьез полагаете, что на судне остался кто-то живой, способный оказать сопротивление вам и вашим людям? Побойтесь Бога, это полная чепуха. И зачем им оказывать сопротивление? Если вы не намерены сопроводить нас вниз, мы с Дарьей Алексеевной сделаем это сами, и черт меня побери, если вы сможете нам помешать! – Котов осмелел, глаза поблескивали от страха, но ноздри шустро раздувались. – Прекращайте тянуть резину, майор! Мы хотим убедиться, что курируемый нами объект находится в сохранности либо, наоборот... – он покосился на вздрогнувшую Дашу и оборвал свою пламенную речь.

– А мы хотим, чтобы вы заткнулись, Котов, – без особой агрессивности обронил Глеб, – и не мешали нам выполнять свою работу. И предупреждаю: если кто-нибудь из вас займется несанкционированной деятельностью...

Он повел свою команду на полубак – к заваленному мусором люку. Необъяснимое чувство подсказывало, что этот путь наименее чреват. Они просачивались по одному в чрево контейнеровоза, включали фонари, передергивали затворы. Такое ощущение, что спускались в заброшенное подземелье под большим мегаполисом...

В первую очередь насторожили запахи. Пахло тленом, ядовитой ржавчиной, тяжелой, застоявшейся сыростью. Воздух был сперт, и чем дальше они отдалялись от люка, тем тяжелее и зловоннее делалась атмосфера. Очевидно, это тоже был один из технических коридоров, не имеющих непосредственной связи с трюмами. Но что-то подсказывало, что рано или поздно все дороги приведут в трюм... Переплетения ржавых труб, гидравлической аппаратуры, огромные стояки, прорезающие потолок, сварные жестяные кожуха – и узкий петляющий проход между этими «доисторическими» нагромождениями. Коридор имел логическое завершение, воздух становился свежее, забрезжила галерея с двумя отдаленными друг от друга лестницами. Спецназовцы выскальзывали по одному на открытое пространство, рассредоточивались, держа автоматы наготове. Гражданские не лезли поперек, пыхтели за спиной, придавленные мрачностью окружающих реалий. Под галереей находилось что-то вроде мастерской – верстаки, стеллажи, станки для обработки металла, горы разбросанного металлического мусора. Простатривалась приоткрытая дверь – а за дверью непредсказуемая чернота, означающая, по всей видимости, проход в трюм...

Спускались по одному, ощупывая рифленые ступени. Крамер сместился дальше по галерее, начал осваивать параллельный спуск. За ним подался Вадик Морозов...

Инцидент случился, когда практически все уже сошли вниз и пробивали дорогу через разбросанный по полу хлам. Испуганный вскрик, затряслись дряблые перила, и кто-то повалился, гремя амуницией. Сдавленно охнула Даша, Глеб схватил ее за плечи, насильно усадил на корточки. Он видел, как поблескивают ее глаза, чувствовал, как дрожит тело под ворохом одежды. Спецназовцы рассыпались, попадали.

– В чем дело? – сорвавшимся голосом прошипел Глеб.

– Это я... – простонал из темноты Вадик. – Слушайте, я не нарочно, меня кто-то за ногу схватил, честное слово... Нога застряла, помогите...

Глеб полз, извиваясь, осветил место происшествия, машинально отбрасывая в сторону руку с фонарем. Если будут стрелять, то на свет... Вадик корчился на лестнице, лодыжка застряла в узком пространстве между ступенями. Глеб осветил черноту под лестничным пролетом, еле сдерживаясь от соблазна резануть по ней очередью. Под лестницей валялись какие-то железные коробки, обломки труб, крошка на полу. Пространство слишком низкое, человек там не встанет даже на корточки. Он может, конечно, протиснуться, если он червяк... Прыгающий свет выхватывал из мрака трубы, соединенные фланцевыми муфтами, черную нишу, в которой что-то капало. Атмосферно, нечего сказать...

– Чисто... – свистящим шепотом возвестил Глеб. – Вадик, ты чего пургу несешь? Ты только и делаешь, что падаешь...

– И что мне теперь, пол сменить? – злился угодивший в ловушку боец. – Да клянусь, Глеб Андреевич, меня за ногу схватили – ну, не мог же я сам так ногу подвернуть... Помогите, черт побери, вытащите меня...

– Ну, все, поперлась гора к Магомету, – заворчал Никита и потащился вызволять товарища из неприятностей. А Глеб тем временем прополз под лестницу, еще раз внимательно изучил предельно суженное пространство. Нет, нереально там протиснуться человеку. Разве что теоретически, извиваясь, как червяк, между этими трубами...

– Ты в порядке? – ворчал Никита, отгибая пружинящие ступени.

– В порядке... – кряхтел Вадим, сползая к основанию лестницы и судорожно пытаясь принять естественную позу. – В каком-то хреновом, случайном, но порядке... Клянусь вам, мужики, не мог я сам упасть... Как схватило меня что-то, да как потащило...

– Штырь тут торчит, – невозмутимо поведал Крамер, осветив лестницу, – Обычный металлический штырь. За него ты, Вадик, и зацепился – и нечего тут обстановку нагнетать сверх положенного.

– Согласись, что накосячил, – проворчал Платон.

– Не соглашусь, – пристыженно бурчал Вадим, ощупывая пострадавшую ногу. – Если соглашусь, то еще больше накосячу... Ну, в натуре, мужики, все это очень странно – я же не идиот, чтобы штырь не отличить от руки...

Остался осадок на душе. Популярно объяснив помрачневшим бойцам, что это ОН имеет право на ошибку, а остальные не имеют, Глеб приказал двигаться дальше, и бойцы по одному просачивались в грузовой трюм, рассредоточивались у стен, залегали...

Внутренности контейнеровоза производили впечатление. На мгновение забывалось, что это всего лишь судно, плывущее по океану по воле волн. Не покачивайся пол под ногами, не издавай вся эта гигантская стальная рухлядь протяжных старческих кряхтений, можно было вообразить, что люди оказались в подземелье. Громадное объемное пространство, с высотой потолков не менее пяти метров, уставленное стандартными двадцатифутовыми контейнерами. Многие были сорваны с опор, наезжали друг на дружку. Судно явно перемещалось с недогрузом – контейнеры располагались в один ярус вместо двух, – сиротливо мерцали вертикальные направляющие для установки контейнеров сверху друг на друга (так называемые cell guides). Свет фонарей добивал до потолка, ощупывал ближайшие контейнеры, опорные направляющие (относительно неплохо сохранившиеся, в отличие от тех, что наверху). Просматривался фрагмент межпалубного пандуса. Отметилась характерная и не очень-то приятная деталь: большинство контейнеров, из тех, что попадали в зону видимости, были вскрыты...

– Котов, вы меня слышите? – прошептал Глеб.

Шевельнулась фигура, сидящая на корточках у него за спиной.

– Я вас даже вижу, майор...

– Где находится ваш чертов контейнер?

– Он еще ниже, майор, под нами, – там есть еще один грузовой трюм. Но мы не сможем прямо отсюда спуститься – видите, контейнеры сбились в кучу, перегородили спуск. Нужно пройти вдоль всего трюма, воспользоваться противоположной лестницей...

Как это мило... Но все равно они обязаны обследовать эту махину, прежде чем делать предварительные выводы о наличии живых существ. Несколько минут они прислушивались к посторонним звукам. Только злость аккумулировать – здесь ВСЕ звуки были посторонние! Три ряда контейнеров, четыре прохода (между стенами и крайними рядами оставалось свободное пространство порядка метра). Подсадили Вадима, отправив его с фонарем по крышам, а каждому из оставшихся достался собственный проход. Глеб шел по правому центральному, обнажив все чувства. Палец на спусковом крючке, на лбу поворотный фонарь, нервы на пределе... Временами он оглядывался, убеждался, что «приданные» личности не отстают, снова зорко водил глазами. Где-то наверху поскрипывал Вадим, перепрыгивая с контейнера на контейнер. Практически все стальные короба в этой части судна были вскрыты. Видимо, те, кто выжил после катаклизма пятнадцатимесячной давности, искали еду. Но вряд ли ее нашли. Машинально отмечался характер груза: где-то валялись выброшенные ящики с оргтехникой, какая-то мебель, тюки с одеждой, прочные полиэтиленовые мешки с чем-то сыпучим – судя по размерам мешков, не наркотики, а удобрения... В нескольких контейнерах стояли машины, японские мотоциклы, другие до отказа были набиты запчастями, разобранными кроватями, ортопедическими матрасами. Он где-то читал, что в подобном контейнеровозе однажды перевозили целое судно водоизмещением пятьдесят тонн – разобрали на части, упаковали в контейнеры, доставили морским, а потом железнодорожным транспортом в порт назначения, собрали заново...

Протяженность грузового трюма была не менее восьмидесяти метров. Прошло минут пятнадцать, прежде чем спецназовцы начали собираться на противоположной стороне – у короткой лестницы, вздымающейся к очередной галерее, огороженной разболтанными перилами. Происшествий не было, за исключением засохшего пятна крови, в которое, в силу «незрячести», вступил Платон. Да еще Крамер, прибывший последним, неохотно признался, что всю дорогу ему мерещилось, будто за ним кто-то идет. Неприятное чувство сверлило затылок, лично он никого не видел. Чушь все это! Несколько раз он делал остановки, прятался, поджидая в засаде «невероятного» противника, – никого не увидел! Нет на судне посторонних, просто у страха глаза по полтиннику!

– Мы можем спуститься прямо здесь, – пробормотал Котов, показывая на лестницу, извищающуюся вниз. – Под нами нижний трюм...

– Почему вы так торопитесь, Котов? – неласково бросил Глеб. – Лично я считаю, что если за год с хвостиком с вашим грузом ничего не случилось, то лишние полчаса уже ни на что не повлияют, верно? Наберитесь терпения, мы должны осмотреть бытовые помещения и машинное отделение.

Котов раздраженно дернулся, но тут его за рукав схватила Даша, принялась что-то тихо выговаривать, давая понять, что «общая» бестолковость характерна не для всех представительниц слабого пола. Несколько фигур с автоматами наперевес просочились в относительно просторный коридор, отделанный стеновыми панелями. Судя по всему, здесь находились каюты членов экипажа. Добротные двери, обросшие плесенью плафоны на потолке. Отдельные двери были заперты, и возникла мысль: если тут было царство голода, то выжившие обязаны были вскрыть все помещения, где теоретически могла находиться еда. Особым изыском и кубатурой местные кубрики не отличались – небольшие квадратные мешки, отделанные теми же панелями, откидные столы, подвесные кровати на растяжках, вроде тех, что используются в поездах. Незначительная бытовая мелочь – пустая пластиковая и жестяная тара, почерневшая от

времени разовая посуда, какие-то тряпки, одеревеневшие носки. В прикроватной тумбочке валялся мятый покетбук из серии дешевых детективов, початый блок сигарет, вполне «ходячие» часы, упаковка зубочисток, фото полненькой, но миловидной барышни, снятой на фоне новенькой «Лады Калины».

Сильно озадаченные, как-то глуховато переговариваясь, спецназовцы покидали кубрики. Что-то странное происходило в этом месте с акустикой. Голоса звучали глухо, вибрировали, доходили с задержкой – как будто пробивались сквозь кисельную массу. «Такое ощущение, что общаемся через социальную сеть», – пошутил Никита.

В кормовой части располагалось машинное отделение. Мысленно напевая: «Говорят, не повезет...», Глеб уже направился к двери, махнув своим ребятам, чтобы следовали за ним, как вдруг что-то щелкнуло под черепной коробкой! Он встал как вкопанный, колючий еж пополз от желудка к горлу, и горькая желчь скопилась во рту. И остальные встали, наострили уши... Поскрипывал потолок над головой – монотонно, ритмично, словно кто-то там ходил, и не просто так ходил, а с целью – подействовать спецназовцам на нервы! В горле пересохло – а ведь там действительно кто-то ходил! А если нет, то иллюзия была просто убивающая! Это судно являлось источником всевозможных звуков, но звуки были спонтанные, не связанные между собой – то ветер утробно рокотал и посвистывал в щелях, то бились и катались под воздействием ветра незакрепленные предметы, то от качки скрипели суставы судна. А этот звук звучал размеренно и однозвучно – несколько шагов в одну сторону, пауза, несколько шагов в другую...

И вдруг все резко прервалось. Настала тишина – только мурашки продолжали расползаться по коже, унижая славный образ бойца российского спецназа.

Платон начал остервенело протирать пальцем ухо – показалось, или чё...

– Что там над нами? – Глеб повернулся к притихшим и слегка позеленевшим «штатским».

– Надстройка... – сглотнув, пробормотал Котов.

Совершенно правильно. Та самая надстройка, которую они не так давно зачистили...

– Мне кажется, нас пугают, или чё... – задумался вслух Платон.

– И, надо признаться, испугали, – натянуто улыбнулся Никита.

– Да чушь все это, – поморщился не верящий ни в чертовщину, ни в фантастику Крамер. – Мало ли что там скрипело. Тут постоянно что-то скрипит, шуршит и бухает...

– А у меня имеется версия, – сделав соответствующее лицо, сказал Никита.

– Связанная с привидениями? – догадался Глеб.

– Точно, – несколько обескураженно кивнул Никита. – А чего вы хихикаете, мужики? В старых английских замках этого добра, между прочим, как старых «АКМ» на наших складах. Люди умирают, а души их остаются по ряду причин на этом свете – ну, задерживают их незавершенные дела, – превращаются в привидения и пугают людей разными звуками и поступками. Живых на корабле, понятно, не осталось – ну, не живут люди так долго без еды и питья, а вот души неприкаянно блуждают и гонят да пугают чужаков вроде нас...

– А трупы-то где? – не понял Глеб. – В этом, блин, старом английском замке?

– А я знаю? – резонно спросил Никита. – Походим еще – глядишь, нарвемся на парочку-другую.

– Ладно, – шевельнулся Глеб, выбираясь из оцепенения, – будем считать, что успокоил, ученый ты наш.

Машинное отделение располагалось позади трюмного хозяйства и помещений для членов экипажа. Здесь практически не было разрушений, но запустение царило полное. Из темноты выползали устрашающие проржавевшие агрегаты, котлы для обогрева судна, сложно-составной дизель-генератор, топливные и пожарные насосы, воздушные компрессоры, трубы системы кондиционирования воздуха, главный и вспомогательные двигатели. Спецназовцы

просачивались в узкие проходы между узлами, осматривали каждый клочок пространства. На полу валялись какие-то древние окурки, ворохи промасленного тряпья, осколки разбитых бутылок.

Возвращаться к верхней внутренней палубе не пришлось – за машинным отделением обнаружилась винтовая лестница. И снова мурашки ползли по коже – и чем ниже в чрево монстра спускались люди, тем сильнее их знобило. И не только от холода (хотя и холод у самого днища пробирал до костей). Глеб чувствовал, как волосы шевелятся под шапкой, предательский страх украдкой забирается в душу. Он устал анализировать свои ощущения. Это не был «классический» страх, вызванный событиями, персонами или той же неизвестностью. Создавалось впечатление, что страх навязан со стороны – в чем нет ничего невозможного, если немного знать физику. Простейший генератор инфразвука направленного действия – не слышимые ухом колебания от ноля до двадцати герц. И самая убийственная частота – семь колебаний в секунду, частота, резонансная для организма. Меняются альфа-ритмы сердца, рушится нервная система, приступы паники чередуются трусливым ступором, человек превращается в запуганное животное – и физику явления абсолютно не трогает, что у человека награды за мужество и нужно еще поискать такой образец самообладания...

Бред какой-то!

Люди расположились под лестницей, выключили фонари, чтобы не привлекать к себе внимания. Темнота царила колючая, и чувствовалось, что из этой темноты на людей что-то давит. Глеб упорно пытался сосредоточиться. «Давили», безусловно, контейнеры, которые громоздились у них под носом. В этой части судна ощущался сильный дисбаланс – до затопленной кормы было рукой подать, и возникало ощущение, что какой бы незначительной ни оказалась пробоина, но рано или поздно уровень воды начнет подниматься (если уже не поднимается), и «Альбу Майер» поджидает славная участь «Титаника». И при этом сомнительно, что у нее на палубе будет играть оркестр...

Глеб еще не достиг такого уровня мастерства, чтобы видеть в темноте, но по звукам и дыханию мог ориентироваться. Он сдал назад, завис над съежившимся комочком, издающим сильные звуки. Поднял руку, отыскал вибрирующее плечо.

– С вами все в порядке, Даша?

Девушка на миг замерла: дескать, что это было? И снова начала подрагивать.

– Вы что-то хотели спросить, майор? – пахнула жаром темнота.

– А разве я не спросил? – Ох уж эти сложности в общении с женщинами. – Вы сильно испуганы, Даша, я правильно подметил? И не только вы, а также ваш спутник, мои подчиненные и их командир. Мне кажется, вы догадываетесь, с чем это может быть связано. Или я не прав?

– Послушайте, майор... – недовольно заворочался в темноте Котов.

– Превышаю свою компетенцию, хотите сказать? – злобно выплюнул Глеб. – Знаете, Котов, больше всего на свете я терпеть не могу, когда меня водят за нос – начальники, навязанные спутники и тому подобные сомнительные личности. Предлагаю не ссориться. Понимаю, что вы сами оказались в затруднительном положении и вряд ли имели выбор, когда вас сюда отправляли. Даже допускаю, что вас подставили. Почему бы нам, в конце концов, не начать сотрудничать? Вы перестаете скрывать, а мы, владея информацией и зная, с чем имеем дело, имеем реальную возможность позаботиться о вашей безопасности. Итак, уважаемые, ответьте всего на один вопрос – ЧТО ПРОИСХОДИТ?

Даша собиралась что-то сказать, уже напряглась, и тут Котов – Глеб не видел этого, просто почувствовал – то ли коснулся ее, то ли передал какую-то мысленную «молнию» – и она снова съежилась, замкнулась.

– Майор, поверьте, меньше всего мы хотели бы с вами ссориться, – в вибрирующем шепоте Котова слышалось что-то миролюбивое, – но черт нас побери, если мы сами пони-

маем, что происходит на судне, которое провело в океане пятнадцать месяцев. Мы так же потеряны, как и вы. У нас единственная задача – выяснить состояние груза и доложить руководству компании. Может, лучше поспешим, майор, не будем усугублять эти бессмысленные разговоры и поступки? Восемьдесят метров, и мы у цели. Выполняем работу, вызываем базу – и сваливаем из этого очаровательного местечка...

Он не мог насильно выбивать из них показания. Бог им судья. Каждый в меру сил выполняет свою работу – какой бы абсурдной она ни казалась. Они передвигались по трюму короткими перебежками – периодически включая фонари. Возможно, Котов был прав – до цели считанные десятки метров, пусть эти двое выполняют свою работу, и прощай, летучий контейнеровоз. Плыви себе с Богом в свою Америку, пока береговая охрана не потопит из орудий (зачем американцам такое счастье?). Он словно прорывался через зыбучий песок – и его сопротивление с каждым метром становилось ожесточеннее. Манная каша в голове, наваждение оплетало. В какой-то миг он прислонился к контейнеру, видение включилось в мозг: под ногами трясина, и если наступит – уйдет в нее с головой и уже не выплывет... И ведь действительно испугался, отпрянул назад, едва успев занести ногу. Затряс головой, выколачивая наваждение. Обхватил покрепче цевье «Кедра», ринулся вперед, словно на колючую проволоку...

– Командир, здесь «двухсотый»! – выкрикнул из соседнего ряда Крамер... и сразу иссяк наступательный порыв, Глеб остановился, завертел головой – не вытекающая ли из первой галлюцинация?

– Причина смерти?

– Не заплатил врачу, – хохотнул откуда-то из мглы Никита. – А что я тебе говорил, командир? Вот и пошли трупы – а над нами их бестелесные сущности витают и пакостят чужакам...

Пройти мимо такой находки спецназовцы не могли. Сходились со всех сторон, поводя фонарями. Находка представляла интерес – хотя бы по той простой причине, что погиб этот несчастный не от голода и обезвоживания, а от автоматной очереди в грудь, причем случилось это довольно давно. Тело разложилось и истлело, запах смерти практически не ощущался, да и температура здесь была почти как в холодильнике. Труп валялся в боковом проходе между контейнерами, и просто «повезло», что Крамер его заметил. Обтянутый синеватой кожей скелет с оскаленным ртом – в нем явно не хватало зубов для полного комплекта. Грудная клетка разорвана свинцом, но убили его не здесь – засохшей крови под трупом не было. Судя по одежде – полинявшим мешковатым штанам и форменному жакету – это был один из членов команды.

– Царствие небесное... – пробормотал садящимся голосом Платон. – Ну, хоть кого-то мы здесь нашли...

Даша издала настораживающий булькающий звук, успела отступить – ее жестоко рвало в темноту. И прочим становилось не по себе. Все чаще стали возникать панические мысли о ловушке. Что-то проворчал, прячась в темноту, Котов, споткнулся, ударился плечом о контейнер. Заскрипела, отворяясь, створка. Он вскинул фонарь, чтобы посмотреть, во что вляпался... и захрипел что-то невнятное, сдавленное, упал, запутавшись в своих же ногах! Когда спецназовцы, гремя оружием и амуницией, бросились на призывные утробные звуки, Котов сидел, упиравшись ладонями в пол, и недоверчиво, заглядывая рвоту у края пищевода, таращился на приоткрытый контейнер, сползший с тавровых упоров и расположившийся особняком между рядами. На полу валялся фонарь, который он выронил, и освещал торчащие из контейнера скрюченные конечности...

Дарью Алексеевну, у которой приступы рвоты следовали по нарастающей, пришлось увести. В контейнере вповалку валялись не меньше дюжины разложившихся мертвецов. Все мужчины. Остекленевшие глаза, лохмотья кожи, свисающие с челюстных костей, растопыренные фаланги пальцев. Облаченные кто во что – штатская одежда членов команды, черно-серая униформа – видимо, работники частной охранной фирмы. На двоих сохранились когда-то щего-

леватые флотские кители, но это было единственное, что на них сохранилось. Впервые в своей жизни Глеб увидел, что представляет собой бородатый череп... Видимо, поначалу погибших пытались как-то упорядочить – клали в ряд. Потом надоело, стали наваливать друг на дружку, не заморачиваясь уважительным отношением к бывшим людям.

«Раскисаем, товарищи, раскисаем...» – со злостью думал Глеб, пятясь вместе с товарищами от этой жутковатой коллекции. Устраивать собрание на тему «Как такое случилось?» было глупо. Пора уж выбираться из этого славного местечка...

– Смотрим в оба, – прохрипел он. – Мне плевать, с кем мы тут имеем дело – с живыми, с мертвыми или с собственным разгулявшимся воображением... Быстро выполняем задание и отчаливаем отсюда к чертовой матери... Никита, Вадим, хватайте Дашу с Котовым...

Не успел он договорить, как Крамер, вырвавшийся вперед с фонарем, вдруг шаркнул в сторону, вскричал от неожиданности! Какая выдержка потребовалась человеку, чтобы не открыть огонь по очередному призраку! Остальные и опомниться не успели, как он уже умчался в темноту, топая ботинками, и, похоже, довольно быстро преодолел звуковой барьер.

– Во рванул... – потрясенно пробормотал Никита. – Как от контролера в электричке, блин...

Не сговариваясь, побежали за Крамером, а сообразительный Платон еще и перепрыгнул в параллельный ряд. Но пользы этот спринтерский забег не принес. Пробежали метров двадцать и наткнулись на Крамера, потерявшего вчерашний день. Товарищ очумело вертел головой, освещал фонарем проходы и выступающие из мрака глыбы контейнеров.

– Ты чего полетел, как Гагарин? – задыхаясь, спросил Вадим.

– Не стойте в проходе, мужики... – скрипнул зубами Крамер и стал их расталкивать с открытого места. – Слушайте, не понимаю ни хрена... Не верю я в мистику и чертовщину – но, ей-богу, видел, как что-то перекатилось через проход... Вот не брешу, парни, зуб даю, мамой клянусь... Человек это был, не привидение, да еще такой шустрый...

– С каждой минутой становится интереснее, – как-то не очень жизнерадостно заметил Никита. – Может, эти живчики и по потолку умеют бегать?

Чувство юмора, похоже, отказывало – Вадик Морозов что-то утробно проорчал и начал обшаривать потолок пучком света...

– Ладно, мужики, кончайте сходить с ума... – выдохнул Глеб, борясь за последние крохи здравого смысла. – Искомый контейнер, я так понимаю, находится в этом трюме – в приятном соседстве с убиенным экипажем и господами из охранной фирмы. Кто бы там ни прыгал у нас на пути, а в бой они вступать, судя по всему, не собираются – оттого повелеваю воздержаться от стрельбы и, если получится, наладить добрососедские отношения. Вперед, бойцы, чего вы приуныли?

Они упорно шли к намеченной цели, несмотря на озноб и чертовщину. Отгороженный отсек в носовой части трюма – похоже, груз, хранимый в синем типовом контейнере, был наглухо засекречен. Брезентовая «вуаль», передвижные загородки – вроде тех, что полиция использует на митингах. Охраны, слава богу, не видно – ни живых, ни призраков. Контейнер был развернут створками к глухой стене, и пока оставалось интригой, открыт он или закрыт. Глеб шагнул вперед, прорываясь через заплесневелый брезент, но на пути его внезапно вырос Котов – подавленный, но решительно настроенный.

– Прошу прощения, майор... поверьте, мы ценим то, что вы для нас делаете, но на этом зона вашей компетенции заканчивается... уж не обижайтесь. Только мы с Дарьей Алексеевной имеем право приближаться к грузу. Мне очень жаль, но на этом рубеже мы с вами должны расстаться.

– На этом рубеже легли Байрон и Рэмбо, лягут и другие... – довольно зловеще пробормотал Никита и сделал угрожающий шаг.

– Неужели? – усмехнулся Глеб. – Не хотелось бы вас огорчать, Котов, но боюсь, что я сам решаю, когда и с кем я должен расстаться.

– Вы не имеете права это делать, господин майор, – ахнув, подскочила Даша. – Вам нельзя, у вас приказ, вы что, не понимаете? Зачем вам лишние неприятности? Вы даже не представляете, во что вы хотите ввязаться...

Она забыла про окружающие ужасы, про свое подвешенное состояние, она готова была грудью встать, но только не пускать спецназовцев за эту драную ширму! Это было настолько глупо, наивно, бесперспективно... что дрогнуло сердце тертого спецназовца. В памяти возник немеркнувший образ наставника и товарища Бекшанского Григория Ильича. «Выполнить задание ты обязан, Глеб Андреевич, но выслушай добрый совет – не бери на себя лишнего и не лезь затычкой в каждую бочку. Меня попросили – я предоставил хорошего специалиста. Что за груз, какой он степени вонючести, какие морды там повязаны – лично мне глубоко по барабану, и тебе должно быть так же. Будь осторожен, держи нос по ветру и не вздумай подставить ребят...» И еще одна физиономия – взволнованная, неприятная, обладающая погонями и высокой должностью в штабе Тихоокеанского флота, переехавшем в новое здание на Корабельной набережной. «Майор, не вздумайте заниматься самодеятельностью. Ваша задача – сопровождение и безопасность опекаемых лиц. Если им понадобится ваша помощь – они о ней попросят. Если не понадобится – не лезьте. Надеюсь, вы отдадите себе отчет, что такое превышение должностных полномочий?»

– Воля ваша, Дарья Алексеевна. – Он соорудил нечто вроде небрежного книксена. – Только не плачьте там и не стоните, договорились? Мы будем ждать, не задерживайтесь.

Они исчезли в полумраке, а Глеб повел бойцов на охрану периметра. В принципе, вероятно, так и надо – ему не нужно больше всех, а чрезмерное любопытство погубит не только кошку, но и целого майора морского спецназа, у которого только стала налаживаться личная жизнь. Офицеры занимали позиции за контейнерами, определяли секторы обстрела.

– Глеб, неужели тебе неинтересно, что в контейнере? – глухо прошептал Платон. – Я вот парень, ей-богу, нелюбопытный, но чувствую, что мне любопытно...

– Да нет, прав Глеб, – лаконично бросил Крамер. – Меньше знаешь – крепче спишь. Лично меня эта штука абсолютно не заводит. А вот крысята, что тут шныряют, это, мужики, гораздо серьезнее и опаснее...

– Держу пари, что крысята, привидения и эта штука за занавеской – одного поля ягоды, – выразил не самое успокаивающее мнение Никита. – Хотелось бы ошибиться, мужики, но как бы эти двое не вскрыли там ящик Пандоры.

– А что такое Пандора? – не понял Вадим. – Это вроде планета из «Аватара», нет?

«Эти двое» уже возвращались! Чуткое ухо уловило шаги – и уловило даже настроение, с которым они возвращались! Они возникали в пятнах света – смертельно бледные, растерянные, с бегающими и прыгающими глазами, как-то нервно подергивались и даже не шурились от яркого света. «Груз пропал, – сообразил Глеб. – Или получил несовместимые с «жизнью» повреждения». Котов непроизвольно сглатывал, яростно расчесывал ногтями лоб – на нем уже появлялись розовые борозды. Даша была погружена в задумчивость. Возможно, они и не сильно испугались того, что увидели, но то, что растерялись и окончательно выехали из колеи – наверняка.

– Все в порядке? – ехидно осведомился Глеб и прикусил язык. Он в общем-то догадывался, что неприятности этой парочки автоматически копируются в список неприятностей его группы. Они смотрели на него как на пустое место и не могли понять, о чем он тут говорит. И снова завертели в голове параграфы и пункты инструкций, вылупился нервный капитан второго ранга из штаба флота, предупреждающий об ответственности за превышение полномочий... Злость раскаленным железом продрала череп. Значит, служить, защищать и умирать за Родину – всегда пожалуйста, а посмотреть краем глазика – ни-ни? Работайте, бойцы, а знать

о том, что вы делаете, – даже не смейте! Ничего, это его любимый предмет – «Как еще больше осложнить свою жизнь». Исполненный праведного негодования, он решительно отстранил с дороги поникшего Котова и зашагал к контейнеру.

– Постойте, вам нельзя... – завел заезженную песнь Котов.

– Да оставьте вы его в покое, пусть делают что хотят... – пробормотала в спину Даша. – Этот парень не успокоится, пока себе лоб не расшибет...

Как это верно, черт возьми, подмечено! Он повернул к торцу контейнера, машинально отмечая, что товарищи, заинтригованные поворотом событий, целенаправленно топают за ним. Распахнутые створы, опущенные запирающие штанги... Он вскинул фонарь, выставляя его поворотом головки на рассеянный свет, осветил утробу контейнера.

Ну что ж, возможно, он не все в жизни перевидал, чтобы потерять способность удивляться...

В принципе, там не было ничего ужасного, ввергающего в трепет или заставляющего вцепиться в автомат. Ни навороченной суперпушки, ни кучи человеческих черепов. Напротив, все было мило, уютно, по-домашнему. Мягкое ковровое покрытие на полу контейнера, небольшая тахта, приземистое кресло на ножках, шкафчик с книгами и кипами бумаг, биотуалет, неплохой ноутбук с закрытой крышкой и лежащими сверху наушниками...

Отказываясь верить собственным глазам (возможно, снова галлюцинации), он крадучись, практически на цыпочках, вошел в довольно просторную «жилую комнату» (как ни крути, а пятнадцать квадратных метров), недоверчиво потрогал скомканную подушку на тахте – вроде настоящая. Покосился на компактный ручной мойщик в углу, соединенный с двумя пластиковыми баками (на поступление и слив), прикоснуться к нему не стал, мало ли что. Поднял голову, недоверчиво уставился на кондиционер под потолком, покрытый слоем пыли, на электрический светильник в изголовье тахты, на издевательски выступающий из стены «поросячий» пяточок розетки! Все еще не веря своим уставшим глазам, он растолкал молчаливых товарищей, вышел из контейнера, поднял фонарь. Электрический провод действительно имел место. Он проходил по крыше и свисающей дугой убежал куда-то вверх – в черноту потолочной части. Чудны же здесь дела... Он вернулся, снова растолкал товарищей и приступил к повторному, более тщательному осмотру. Больше всего поразили стоптанные домашние тапочки, стыдливо выглядывающие из-под тахты. Он заглянул в пенал, заделанный в угол, поворошил какие-то отсыревшие тряпки, раскрыл ноутбук, сделал попытку его включить, но аккумулятор давно сел, а электричества не было. Книжки на русском языке – в основном технические, про волновую и квантовую оптику, книжки по психиатрии, по химии – в том числе изрядно потрепанный справочник «на все случаи жизни», издание на английском, некто Джеймс Кетчам: «Химическое оружие: Давно забытые секреты»... Кипы бумаг – он пролистал, не стал всматриваться – от руки начертанные диаграммы, формулы, текст, написанный убористым волнообразным почерком. Луч света зафиксировался на подозрительном аппарате, приставленном к пеналу, – прямоугольный алюминиевый корпус, узкая панель на передней части, несколько индикаторов без всяких пояснений, десятков пронумерованных клавиш – грамотно сделано, посторонний ни за что не догадается, что это такое! Слава богу, этот аппарат не был никуда включен, кабель, скрученный бухтой, валялся под ножкой. «Генератор «чего-то там», – мрачно подумал Глеб. – Голливуд отдыхает. Надо бы права на эту историю застолбить».

– Ну и дела... – пробормотал Крамер. – Как говорили древние римляне, «С умного хватит и намека».

– Ну, не сказать, что я уж настолько близок к просветлению... – как-то пристыженно заметил Никита.

– Да тут кто-то жил, покаплыли! – воскликнул Вадим, да таким тоном, словно эта безусловная истина открылась лишь ему одному.

– Я вам даже больше скажу, мужики, – проворчал Платон. – Здесь жил один человек – без жены, без родных, вот только с некоторых пор он куда-то вышел. Запылилось тут все, конечно, но, в принципе, неплохо, жить можно, а чё...

Эту мысль можно было и развить. В контейнере прятался мужчина – солидных лет, не очень общительный, седоволосый, обладающий высшим образованием и способный похвастаться достижениями в некоей научной области, о которой раньше времени лучше помолчать. Мужчина был педант, ценил порядок, обладал терпением, целеустремленностью, знаниями во многих областях... и, похоже, держали его здесь не насильственным образом, а он сам выбрал такой сложный и запутанный способ, чтобы покинуть родную страну, прихватив с собой «кое-что»...

Впрочем, что в этом способе сложного и запутанного? Всё элементарно, если умеешь договариваться с нужными людьми по обе стороны границы! И если он до сих пор жив (что сомнительно), то что творится у него в голове?

И как это связано с галлюцинациями и чувством неконтролируемого страха, который спецназовцы под чутким руководством Дымова уже научились контролировать?

– Уходим отсюда, – буркнул он и зашагал к выходу, сопя от злости. Ни хрена себе поставки Министерства обороны! Да это не поставки, а типичные «подставки»!

Эти двое еще не наделали в штаны и не разбежались – действительно, куда бежать с «подводной лодки»? Они стояли, понурились, не реагировали ни на злобное пыхтение изменившегося в лице майора, ни на яркий свет, слепящий глаза.

– Понятно все с вами, господа представители компании-судовладельца, – ядовито процедил Глеб. – В контейнере перевозили беглого товарища, имеющего отношение к всепобеждающей российской науке. Попахивает изменой Родине, господа? Товарищ не доплыл до порта назначения – помогло цунами. Давно списали товарища со счетов, и вдруг такая находка – контейнеровоз всплывает в нейтральных водах у берегов Америки! Естественно, заинтересованные лица должны убедиться, что живой груз либо еще живой, либо уже нет. Не будем заострять, почему отправляют именно вас. Не будем останавливаться на том, почему в качестве гаранта безопасности вам придали группу морского спецназа, и все такое. Кто тут был, Котов? Что за человек? Чем он ценен вашим зарубежным партнерам?

– Послушайте, вы лезете не в свое дело, – убитым голосом пробормотал Котов. – Даже если бы я хотел об этом рассказать, я все равно не имел бы права. Это не мои секреты, поверьте. Я рядовой работник, который получает зарплату...

– Он отдает отчет своим словам, Дарья Алексеевна? – Глеб нагнулся к женщине.

Она вздрогнула, напряглась – словно он собрался ее ударить.

– Да, майор, он отдает отчет своим словам. Мы не можем вам рассказать...

– А если вы считаете, что вашу группу подставили, – добавил Котов, – то вы не одиноки, майор. Нас с Дарьей Алексеевной тоже подставили...

– Ну, хорошо, – Глеб помедлил. – Последний вопрос на текущий момент. Когда вы подошли к контейнеру, он был открыт или закрыт?

– Открыт... – прошептали они практически одновременно.

«А зачем я об этом спросил?» – подумал Глеб.

Местные призраки взяли тайм-аут и не препятствовали спецназу. Со всеми мерами предосторожности они покидали грузовой трюм – мимо того места, где Крамер гонялся за «кроликом», мимо контейнера, набитого сгнившей биомассой. Судно сохраняло наклоненное положение, но пока еще не такое, чтобы контейнеры съезжали и грудились в кормовой части, что означало бы немедленную катастрофу. Был затоплен крайний отсек, имеющий отношение к гребному винту. Вода уже просачивалась через щели в сварных швах, и как-то не хотелось представлять, что начнется, если эти швы окончательно расползутся и у воды не останется пре-

пятствий, чтобы затопить все пазухи нижней грузовой палубы. Безопасное место, чтобы отдышаться, привести в порядок голову и наметить планы, обнаружилось в машинном отделении. Несколько минут исследовали с фонарями закоулки под омертвевшими агрегатами, перегородили обе двери и в изнеможении попадали на гниющее тряпье под редуктором главного двигателя. Даша съжилась под трубами системы водного охлаждения, отвернулась, ее потряхивал озноб. Котов вооружился сигаретой, высосал ее в несколько затяжек, извлек вторую, стал курить медленно и вдумчиво.

– То есть вечер откровений, я так понимаю, не получится? – обронил Глеб в пространство.

– А уже вечер? – насторожился Вадим.

– Может, и так, – устало пробубнил Платон. – Сомневаюсь, что в этом «подземелье» работают законы времени.

– Работают, – лаконично бросил Крамер и глянул на часы. – Законы времени работают везде. Начало десятого утра... Ничего себе, – он вздрогнул и, кажется, усомнился в своей предыдущей фразе. – Странно, парни, мы бегаем по этому корыту всего лишь чуть больше трех часов...

Платон проворчал, что его уже достала темнота и глаза слезятся от света фонарей. Пока коллеги наслаждаются бездельем, он, пожалуй, ознакомится с местными агрегатами – в их устройстве нет ничего сложного. Что в моторной лодке, что в контейнеровозе – принцип работы один. И только дилетанты видят какую-то разницу. Двигатель он, разумеется, запустить не сможет, но что касается дизельного генератора... Поднялся и побрел в соседний машинный отсек, где сразу же начал греметь крышками баков и чертыхаться.

– Человек может все, – как-то нейтрально сказал Крамер и тяжело вздохнул.

– Пока не начнет что-то делать, – фыркнул Никита. – Вот не сидится на месте этому мастеру на все руки. Что бы ни делать, лишь бы что-то делать...

А Глеб опять терял связующую нить. Он упорно пытался сосредоточиться, выстроить систему. Три часа – это тоже много! Катастрофически много! Инструкции, полученные в штабе флота, были конкретными. Оперативно обследовать судно, позволить «компетентным товарищам» осмотреть единицу груза и связаться с радиоточкой подводной лодки, бороздящей просторы океана сотню миль южнее Крысьих островов. Выделенная частота и рация «Беркут» прилагались. Помех в океане нет. Лодке требуется три часа, чтобы подойти к дрейфующему контейнеровозу. Информации о том, что судно может затонуть, не было. Какого хрена они тянут резину?! Пусть высаживают на «Альбу Майер» компетентную группу, и плевать, с кем они тут будут разбираться – с призраками, с живыми! А с людей Дымова довольно! Уж больно воняет это веселенькое дельце...

Платон за углом продолжал громыхать мертвым железом, пытаясь пробиться к генератору, а Глеб уже выкапывал из рюкзака рацию. Дьявол! Связи не было – только частокोल непроеходимых помех! Немудрено, они сидят практически в трюме, под толщами железа!

– Вроде должно ловить через железо... – неуверенно допустил Вадим.

Должно, не должно! Если где-то и должно, то только не в этом перевернутом абсурдном мире!

– Все наружу, – распорядился Глеб.

– А всем-то зачем? – не понял Никита.

Глеб опомнился – всем действительно незачем мозолить глаза и подвергать себя дополнительной опасности. Пусть закроются, охраняют этих надоевших гражданских.

– Хорошо. – Он иезуитски ощерился. – Всем подниматься незачем, но ты, Никита, пойдемь. Поднимайся, и за мной...

Не успели они встать, как в соседнем отсеке что-то утробно заурчало, образовался нарастающий гул, чередующийся тресками и плевками, закряхтело, затарыхтело, и как-то неохотно

на потолке под мутными плафонами стали мигать и разгораться лампочки! Две из них мгновенно треснули и потухли, но остальные светили, озаряя пространство рассеянным холодным светом. Трещали рубильники. Вадик Морозов подобрал отвалившуюся от изумления челюсть. Усмехнулся Крамер. Раскрыла до упора глаза и перестала всхлипывать Даша, поперхнулся табачным дымом Котов. А за углом ехидно посмеивался мастер на все руки, показалась ухмыляющаяся физиономия. Он вытирал руки почерневшей от старости ветошью.

– Командир, медальку не подбросишь?

– Ну, ты гигант, Платоша... – восхищенно пробормотал Глеб.

– Не понял, – растерянно сглотнул Никита. – Так просто? А почему же... ну, те, которые здесь жили, – они-то почему не смогли запустить генератор?

– А ты бы смог? – расхохотался Платон.

– Я? Нет... – смутился Никита.

– Вот и они не смогли.

– Ладно, постарайтесь не допустить преждевременной эйфории, – предупредил Глеб, перехватывая за цевье автомат. – Иллюминация не означает, что всем стало хорошо и беззаботно. Кого-то она, напротив, может разозлить. И вовсе не факт, что все уголки теперь освещены. Пойдем, Никита. Запритесь за нами.

Все изменилось! На судне работало освещение! Пусть не везде и не в должном накале, но стало светлее, веселее, попрятались привидения, испуганные таким развитием событий, затаились, обдумывая контрмеры. Спецназовцы двигались по проторенной дорожке – к носу судна. Перебегали от контейнера к контейнеру, всматривались, чутко водили ушами. Подмечалось что-то новенькое – застывший в центральной части потолка порталый кран, способный, перемещаясь в направляющих, охватывать все пространство трюма. Несколько лестниц, узкие площадки с перилами, тянущиеся на высоте примерно трех метров, – а за ними дверные проемы, это означало, что лабиринтов на этом судне гораздо больше, чем казалось. Не все пространство оказалось освещенным – многие лампы от старости просто отказывались работать. Но зон мрака осталось наперечет, их проходили довольно быстро. По одному закатывались на площадку, огороженную бортиком, захламленная мастерская, лестница, с которой эффектно сверзился Вадик Морозов, коридор, загроможденный гидравлическими агрегатами...

Искушение бросить гранату, прежде чем выбраться на полубак, было велико. Но выползали без фейерверка, откатывались от люка, прятались за вздыбленными листами настила...

Снаружи все оставалось по-прежнему. Дул порывистый ветер, волновался океан. Тучи разгонялись, опускались ниже, заходили, как «Мессершмитты», – временами из них что-то проливалось, но осадки были незначительными, ими с удовольствием можно было пренебречь. Обещанных островов на востоке не наблюдалось, так что если славные подводники поторопятся, то все не так уж плохо... Офицеры по-пластунски перебрались к загородке, вставляли, разглядывая сумрачные реалии через прорези прицелов. За открытым пространством верхней палубы, в восьмидесяти метрах от полубака, покачивалась проржавевшая надстройка. Несколько минут они внимательно разглядывали пустые глазницы окон, выискивая в них хоть какой-либо намек на движение. Но все было чисто.

– Одни мы тут с тобой, Глеб... – шептал Никита, поводя стволом. – Совсем одни, как мамонята на льдине... Давай звони, выкликай наших, а я прикрою, если что...

Связи не было! Глеб похолодел. Ручная радиостанция «Беркут», оснащенная спектральным шумоподавителем, с высоким КПД передатчика, оптимальная для применения в условиях пересеченной местности, – не работала! В трюме зашкаливали помехи, а когда он включил ее на палубе, в эфире воцарилась глухая кладбищенская тишина, прерываемая лишь редким поскрипыванием! Такого просто не могло быть! Несколько мгновений он недоверчиво вслушивался в эфир, проверял и перепроверял частоту, стучал окаянной железкой по ладони.

Радиостанция отказывалась передавать сигнал! Он изумленно воззрился на Никиту – подчиненный слегка позеленел.

– Слушай, командир... – Слова давались ему с трудом. – А может, виновата та штука, которую мы видели в контейнере? Может, она... этот самый... генератор инфразвука, или чего там еще... Вот только не знаю, вызывает ли инфразвук радиопомехи...

– Не вызывает, – пробормотал Глеб. – Безотчетный ужас – вызывает, а вот радиопомехи – едва ли. Та штука, Никитушка, чем бы она ни являлась, была выключенной.

– Может, сломалась твоя радиостанция? – выдвинул новую гипотезу Никита.

Если и сломалась, то слишком уж невероятное совпадение. Глеб лихорадочно размышлял. Неприятности сыплются как из рога изобилия. Связи нет, «груз» утерян (возможно, бегаёт где-нибудь по судну), на судне посторонние с не самыми гостеприимными намерениями, и неизвестно, когда «Альба Майер» устанет от такой жизни и начнет тонуть. Плюс те самые эфемерные острова, к которым ее вроде бы сносит...

– А кому сейчас легко? – вздохнул Никита, словно прочитав его мысли.

Глеб не оставлял попыток реанимировать радиостанцию. Но дело, по всей видимости, было не в куске железа. На борту вертолета, когда он завис над палубой, тоже вышли из строя все системы (по счастью, не влияющие на летные качества), – впрочем, пилот при этом грешил на что угодно, только не на способность «Летучего голландца» выводить из строя хрупкую аппаратуру. Дай бог, что в полете снова все наладилось... Что же происходит? Судно... искрит? Стало большим аккумулятором, подавляющим любые радиосигналы?

– Командир, ты тормозишь, – подметил Никита. – Склад ума разворовали?

– Думаю, – буркнул Глеб.

– А тут хоть задумайся, – фыркнул пловец. – Тебе – страшно, мне – страшно... но решать проблему как-то надо, нет? Сколько мы тут еще просидим?

– Не получив сигнал, наши начальнички задержаются, – начал прогнозировать события Глеб. – Несколько часов они будут выжидать. Потом выдвинется субмарина, возможно, снова отправят вертолет... Продержаться семь-восемь часов, дружище, – пустяк...

– Да, сушная ерунда, – согласился Никита. – Запереться в машинном отделении, вздремнуть часиков шесть... Как-то не по-мужски, да? За это время выйдем из нейтральных вод, врежемся в какой-нибудь остров – а то и раньше потонем... Послушай, командир, – забеспокоился Никита, – глаза у тебя как-то недобро заблестели, это неспроста. С принятием безумных решений у нас, я понимаю, все в порядке? Мужиков подогнать?

– Это не безумное решение, – отрубил Глеб. – Ждать у моря погоды бессмысленно – ты прав. Можем прождать и сутки. Единственное, что мы способны сделать, – это отыскать любителя путешествовать в контейнере, если он еще жив, – и вытрясти из него всю душу. Подозреваю, он скрывается в одном из кубриков на средней палубе – неподалеку, кстати, от машинного отделения. Пойдем, капитан, не будет терять времени...

Он чувствовал, что вялотекущая «холодная война» вот-вот оборвется и начнется что-то действительно чреватое. Но у майора Дымова имелись встречные аргументы: предельная осторожность и ответная партизанская тактика. Лишь бы кто-нибудь из его людей раньше времени не спорол глупость...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.